

Д.В. Панченко

КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ В АФИНАХ в V в. до н.э. В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Культурный расцвет в Афинах в V в. до н.э. следует интерпретировать как частный случай более общего феномена. Эпоха культурного расцвета наступает в результате выхода творчески продуктивного сообщества на ведущие позиции в значимом для него мире. Выдающиеся культурные достижения Афин в V в. до н.э. обнаруживают тесную связь с историческими и социальными обстоятельствами, характерными для таких эпох.

Ключевые слова: Афины, культурный расцвет, трагедия, комедия, Сократ, Фукидид, Перикл, афинский акрополь.

Культурный расцвет в Афинах в V в. до н.э. отмечен трагедиями Эсхила, Софокла и Еврипида, комедиями Аристофана, историческим трудом Фукидида, философской деятельностью Сократа, архитектурой афинского акрополя, скульптурными работами Фидия, новаторской живописной техникой Аполлодора. К тому же Афины стали домом для выдающихся людей, родившихся в других местах. Здесь длительное время жили философ Анаксагор, историк Геродот, математик Гиппократ Хиосский, художники Полигнот и Паррасий.

Необычность подобной концентрации выдающихся творцов и творений во времени и пространстве была отмечена уже в древности (Vell. Pat. I. 18). Не обошли ее вниманием и ученые Нового времени. Одни говорили о благотворном значении демократии – особенно для развития ораторского искусства, другие подчеркивали значение военно-политической мощи Афинской державы, позволившей финансировать масштабные работы. Отмечалась роль просвещенного патронажа, относительно высокого уровня образованности широких кругов афинского гражданства, дух соревнования¹; указывалось также на эффект быстрого изменения исторической ситуации в Афинах, потребовавшего переориентации в новых обстоятельствах². Представляется, что такого рода соображения и указания (их перечень можно было бы расширить³) действительно имеют резон. Однако они либо недостаточно специфичны (патронаж и состязательность далеко не всегда и не всюду приводили к сопоставимым результатам), либо несколько туманны (как потребность в переориентации приводит к выдающимся достижениям в литературе и искусстве?). Они проливают свет на культурный расцвет в Афинах, но все же оставляют нас без целостного объяснения этого явления.

Задача предложить такого рода объяснение могла бы казаться неразрешимой, если бы не то обстоятельство, что перед нами частный случай более общего ис-

Панченко Дмитрий Вадимович – кандидат исторических наук, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского университета.

¹ Webster 1973, 265.

² Meier 1996.

³ См. Voedeker, Raaflaub 1998, 319–344.

торико-культурного феномена. Давно замечено, что выдающиеся достижения в искусстве, литературе, философии, науке весьма неравномерно распределены во времени и пространстве, а с 1944 г., когда увидело свет капитальное исследование Альфреда Луиса Крёбера «Конфигурации культурного роста»⁴, мы имеем на этот счет обширный систематизированный материал. Крёбер показал, что в каждой из важнейших областей творческой продуктивности наблюдается ярко выраженная тенденция к тому, что гениальные творения созревают, так сказать, гроздьями; что в жизни каждой цивилизации обыкновенно наблюдаются общие всплески творческой продуктивности, но такие пики являются редкими и характеризуются разной продолжительностью.

Однако систематизация материала сама по себе еще не означает его интерпретации. Так, Крёбер отверг попытки генетического объяснения культурных расцветов и упадков, но сам не предложил какого-либо другого. Он обнаружил, что проблема очень стара, и вывел из этого факта заключение, что она, по-видимому, неразрешима. Свои конфигурации он строил на фоне повременной шкалы (разбитой на интервалы по 50 лет) и этнополитических образований, но не на фоне исторических процессов.

Этот недостаток попытался восполнить Чарльз Эдвард Грэй. Он построил графики творческой продуктивности греко-римской и западной цивилизаций, избрав, как и Крёбер, индикатором появления выдающихся творцов. При этом Грэй предложил некую модель культурного развития, которую он назвал эпициклической.

Эта модель представляет цивилизацию как совокупность одновременно действующих циклов, а именно циклов экономического, социального и политического развития. Каждый из этих циклов проходит через четыре фазы – становления, зрелости, расцвета, вырождения, – но с разной быстротой. Пока экономический цикл пройдет через все четыре фазы, социальный или политический могут совершить несколько оборотов. Таким образом, когда один цикл находится на восходящей линии, другой может оказаться на нисходящей⁵.

Установив хронологические рамки для каждой фазы каждого цикла, Грэй прослеживает по ним выдающихся творцов. Результат, полученный им, таков: «Культурное развитие происходило тогда, когда либо экономическое, либо социальное, либо политическое развитие достигало своего зенита; при совпадении же пиков развития на подлинно высоком уровне происходили всплески творческой продуктивности в искусствах и науках. И наоборот, когда кривые экономико-социально-политической эволюции обнаруживали спад, творческая продуктивность тормозилась и уменьшалась»⁶.

Можно было бы указать на наличие доли непоследовательности и произвола в методике Грэя, в частности, в определении им отдельных фаз рассматриваемых циклов, однако его общие выводы в первом приближении выглядят правдоподобными. Другое дело, что, сформулировав эмпирическое правило, Грэй не объяснил, как оно работает. Говоря иначе, остается неясным, почему, если одни люди начинают богатеть или успешно воевать, другие начинают сочинять замечательные стихи или философские трактаты. На этот вопрос в работе Грэя не заключено ни эксплицитного, ни имплицитного ответа.

⁴ Kroeber 1944.

⁵ Gray 1958; 1961; 1966.

⁶ Gray 1958, 19.

Культурный расцвет в Афинах не был предметом специального рассмотрения ни у Крёбера, ни у Грэя. Их внимание было сосредоточено на более крупных единицах – таких, как античная (или же западная) цивилизация в целом⁷. К тому же они говорили не столько о культурных расцветах, сколько о пиках творческой продуктивности. В определенном смысле эти понятия совпадают, но вместе с тем культурный расцвет является особым феноменом. Эпохе культурного расцвета присущи, по крайней мере, две специфические черты: во-первых, шедевры появляются не в какой-то одной, а сразу в нескольких областях творческой деятельности; во-вторых, достижения этой эпохи в течение длительного времени воспринимаются данной культурой как классика.

Одно из центральных мест уделено Афинам V в., как и самой теме культурного расцвета, в книге Ганса Грэве «Общество и творческая продуктивность»⁸. По его теории, культурный расцвет является побочным продуктом определенного социального процесса – а именно, перестройки общества под влиянием внешней угрозы и успешного преодоления этой угрозы.

В ходе приспособления к сложившейся опасной ситуации в обществе происходит целенаправленная всеобъемлющая трансформация совокупной системы норм, направленная, в частности, на усиление общественной интеграции. В результате преодоления угрозы происходит ослабление интеграции, материальная и моральная энергия общества, аккумулированная перед лицом опасности, высвобождается – и тогда начинается культурный расцвет. В период равновесия между индивидом и обществом наступает высшая точка культурного расцвета, которая совпадает с его первой фазой, характеризующейся особым развитием изобразительных искусств и поэзии. Прогрессирующая социальная дисгармония, выражающаяся во внутриполитических конфликтах, ведет к наступлению второй фазы культурного расцвета, когда на первый план выходит философия и идейно насыщенная литература. В изобразительном искусстве начинается переход от классицизма к маньеризму – в расширительном употреблении этих терминов. Прежде чем культурный расцвет придет к исчерпанию, наступит еще и третья фаза – фаза расцвета естествознания.

Такова в важнейших чертах теория Г. Грэве. Она систематически рассматривается и аргументируется на четырех исторических примерах – Перикловы Афины, Танский Китай, Флоренция при Медичи, Франция при Людовике XIV. Привлекается и другой материал.

Книга Г. Грэве замечательна во многих отношениях. Что же касается развитой в ней теории, то она подтверждается многими, но не всеми фактами – в том числе относящимися к его базовым примерам. Так, культурный расцвет во Флоренции Медичи Грэве связывает с преодолением военной угрозы, исходившей в конце XIV – начале XV в. от Миланского герцогства и других итальянских государств. Но ясно, что к этим событиям и связанным с ними процессам не имеют никакого отношения Данте (1265–1321), Петрарка (1304–1374) и Боккаччо (1313–1375). Таким образом, высшие достижения флорентийской литературы оказываются вне флорентийского культурного расцвета. За чертой остается и Джотто (1267–1337), традиционно признаваемый одним из важнейших зачинателей новой живописи – той сферы творческой деятельности, которая прежде всего характеризует культурный расцвет во Флоренции при Медичи. Является ли вполне адекватной ха-

⁷ То же самое относится к книге: Зайцев 2001.

⁸ Graeve 1977.

рактика франко-испанского противостояния в эпоху кардинала Ришелье как испанской угрозы, нависшей над Францией? Во всяком случае, в середине предыдущего столетия мы видим в этой стране выдающиеся достижения одновременно в литературе (поэзия Плеяды, проза Рабле, в следующем поколении – Монтень), архитектуре (замки Шамбор и Шенонсо), скульптуре (Гужон), и все это вне всякой связи с военной опасностью. И с преодолением какой угрозы связано блистательное развитие литературы, театра и живописи в Испании конца XVI – первой половины XVII в.? Кто грозил Европе, взятой как целое, в XIX в.?

К тому же объяснение, предложенное Грэве, в конечном счете остается метафорическим: энергия конденсируется, высвобождается, переключается. Как это, собственно, приводит к созданию шедевров в области изобразительного искусства, литературы и науки?

Между тем представляется, что интуиция Грэве (как и интуиция Грэй) шла в правильном направлении и мотивы, которыми он оперирует (сочетание военного успеха с социальными переменами, некий баланс коллективного и индивидуального начал), имеют место. Их, однако, следует соединить несколько иначе. Я предлагаю следующую формулу: культурный расцвет происходит тогда, когда творчески продуктивное сообщество выходит на ведущие позиции в значимом для него мире.

Легко заметить, что предложенная формула включает те случаи, которые у Грэве оказываются слишком многочисленными исключениями: Флоренция XIV в. (которая в это время становится одним из ведущих итальянских государств при одновременном ослаблении давления на Италию извне), Франция середины XVI в., Испания XVII в., Европа XIX в., США после Первой мировой войны⁹. С другой стороны, мы предложили пока лишь эмпирическое правило, и теперь надлежит попытаться объяснить, почему оно работает. Если это удастся, то и само правило предстанет более достоверным.

Чтобы продвинуться в понимании природы культурных расцветов, попытаемся более отчетливо представить себе, о чем собственно идет речь. Что за форма че-

⁹ Может показаться, что итальянское Возрождение не вписывается в сформулированное нами правило. Однако до начала XVI в. не было актуального политического фона, на котором Флоренция, Венеция, Милан и папское государство выглядели бы слабыми и незначительными. С 1454 по 1494 г. в Италии была на редкость мирная жизнь, поддержанная формальными соглашениями между всеми важнейшими политическими силами. Многие области страны были цветущим краем. За Италией оставался исторический престиж, и на ее территории находилась религиозная столица Европы, частично восстановившая свое бывшее значение. Ситуация изменилась лишь в ходе итальянских войн, особенно с того момента, когда страна оказалась ареной состязания между Францией и Испанией, временно соединенной со Священной Римской империей. При этом практически все величайшие творцы итальянского Возрождения успели сформироваться до политического упадка Италии. Если есть исключения (Палладио), то они на счету Венецианской республики, которая продолжала быть активным участником политических событий. Показательно, далее, что из 600 художников, скульпторов, архитекторов, композиторов, гуманистов, ученых и писателей итальянского Возрождения, биографические сведения о которых обработал Питер Берк, 26% были выходцами из Тосканы, 23% – из Венето, 18% – из папской области (Burke 1972, 34 ff.). Таким образом, львиная доля творцов приходится на ведущие итальянские государства, которые длительное время проводили самостоятельную и активную внешнюю политику. Наконец, заметим, что культурные расцветы, в которых на переднем плане находятся изобразительные искусства, должны отличаться от тех, в которых на переднем плане искусства словесные.

ловческой деятельности воплощается в шедеврах литературы, мысли, искусства? Прежде всего, это определенное самовыражение. При этом в культуру входит лишь то, что нашло адресата. Более того, произведение, становящееся потом фактом культуры, создается, в частности, для того, чтобы его увидели или услышали; оно – послание, обращенное к другим, хотя образ этих других может быть смутным и неконкретным. Итак, речь идет об определенном самовыражении в общении.

Очевидно, что не все проявления словесного или художественного творчества в одинаковой мере могут быть охарактеризованы как самовыражение в общении. Подобная характеристика менее применима к прикладному искусству, варьирующему традиционные мотивы в согласии с традиционными канонами, или к анонимным жанрам литературы. Однако не менее очевидно и то, что высочайшие достижения античной и западной цивилизации могут быть охарактеризованы указанным образом.

Самовыражение в общении подразумевает наличие двусторонних отношений между автором и аудиторией. Понятно, что автор должен обладать известной свободой самовыражения. Но если мы будем рассуждать лишь в категориях освобождения творческого потенциала от давления общества, тогда мы должны будем ожидать высочайший культурный расцвет на острове циклопов, где «каждый властвует, зная себя одного, о других не заботясь». Наряду со свободой самовыражения творцу необходима перспектива иметь аудиторию. У творческого индивида должны сложиться такие отношения с другими людьми, чтобы он захотел к ним обратиться, а они – его выслушать. Такие взаимоотношения предполагают наличие круга людей, связанных определенной солидарностью, определенной духовной интеграцией.

Следует также уточнить, что самовыражение в общении, воплощающееся в словесных или изобразительных шедеврах, отличается от аналогичного явления в повседневном быту. Оно не сиюминутно, а наоборот, предполагает усиленную работу над творением, которое, возможно, будет жить века. Готовность к такой работе предполагает определенное восприятие действительности, которое условно можно назвать онтологическим оптимизмом. Уже было сказано, что авторское видение аудитории может быть смутным и неконкретным. Но есть необходимое условие: аудитория должна иметь будущее (будь то данное государство, нация, «люди со вкусом» или «культурное человечество»).

Далее, общение должно происходить по поводу чего-то, оно должно иметь предмет. И такой предмет может взяться только из опыта, причем не из всякого. Творец должен пережить что-то важное для движения его чувств и работы мысли и вместе с тем что-то такое, что представляло бы интерес для других. Его опыт должен отличаться каким-то своеобразием (иначе его неинтересно слушать) и в то же время содержать нечто общее для него самого и его аудитории. Кроме того, этот опыт должен относиться к существенным обстоятельствам частной или общественной жизни.

Таким образом, мы должны предположить, что ситуация, благоприятная для творческой продуктивности, определяется сочетанием наличия у творчески одаренных индивидов свободного самовыражения, отражающего индивидуализированный и экзистенциально значимый опыт и реализующегося в обстановке относительного онтологического оптимизма, с высокой степенью духовной интеграции в том сообществе, к которому эти творчески одаренные индивиды принадлежат. Отсюда, в частности, становится понятным, почему преодоление военной угрозы

часто выступает катализатором культурного расцвета – оно работает и на онтологический оптимизм, и на духовную интеграцию.

Знаменитая речь Перикла в «Истории» Фукидида содержит все указанные характеристики в приложении к обществу и государству афинян. Это – индивидуальная свобода: «В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям» (Thuc. II. 37. 2). Индивидуализация опыта и наличие условий для его выражения: каждый из нас «может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных положениях» (II. 41.1). Политическая солидарность: «терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни мы не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинuemся властям и законам...» (II. 37. 2). Моральная солидарность: в особенностях мы повинuemся законам, «хотя и неписанным, неисполнение которых навлекает на виновных всеми признаваемый позор» (II. 37. 2). Общегреческая солидарность: Перикл обращается с речью не только к согражданам, но и к чужестранцам (II. 36. 4); «город наш – школа всей Эллады» (II. 41. 1). Онтологический оптимизм: отцы наши, «умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу... и еще больше укрепили ее могущество мы сами» (II. 36. 2–3); «чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца... все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед» (II. 41. 4). Ощущение значительности, неординарности опыта, выпавшего оратору и его современникам, проходит через всю речь.

Однако пока мы описали лишь параметры творчески продуктивного общества, и легко усмотреть наличие такого рода параметров как в греческом мире, так и в ряде европейских стран на протяжении многих веков. Культурные расцветы, между тем, наблюдались эпизодически.

Согласно предложенной выше формуле, культурный расцвет наступает вследствие выхода творчески продуктивного сообщества на ведущие позиции в актуальном для него мире. Во-первых, обретаемое влиятельное положение усиливает непринужденную интеграцию, духовную солидарность, ибо людей привлекают те сообщества и группы, сознание принадлежности к которым служит источником скорее уверенности, нежели растерянности. Во-вторых, выход на ведущие позиции увеличивает онтологический оптимизм и, соответственно, готовность к масштабной, трудоемкой работе. В-третьих, – и здесь мы вводим мотив, который до сих пор не звучал, – общество оказывается в ситуации, адекватной для разработки экзистенциальных вопросов. Ведь люди не склонны обсуждать то, чего нет смысла обсуждать, – то, на что они не в силах повлиять, чему они не могут хотя бы противиться. Не жителям карликовой страны рассуждать о том, какие универсальные принципы должны быть положены в основу человеческих взаимоотношений. «Мировые» вопросы ставят лишь общества и группы, играющие существенную роль в мире¹⁰.

Характерно, что у малых народов Европы мы найдем немало замечательных писателей, но не великие литературы. Самые громкие имена среди европейских поэ-

¹⁰ Показательно, что творцы нового, научно-философского мировоззрения – милетяне Фалес и Анаксимандр – были гражданами ведущего полиса процветающего народа (каким были греки и особенно ионийцы перед персидским вторжением в Малую Азию), распространявшегося на огромной территории.

тов и прозаиков принадлежат крупнейшим европейским нациям. С полуоговоркой относительно Кьеркегора то же самое можно сказать и о европейской философии. Между тем, по числу жителей любая европейская страна во много раз превосходит Атику. Дело тут в том, что Атика, в отличие от малых европейских стран, была одним из лидеров в актуальном для нее мире. Сходным образом шедевры в литературе и изобразительном искусстве не производятся низовыми социальными группами (в редких случаях – выходцами из низов, сумевшими на жизненном пути повысить свой социальный статус). Шедевры создаются представителями групп, которые имеют определенное влияние в обществе, причем в том обществе, которое имеет ощутимое влияние на окружающий мир.

Выход в ситуацию влияния на окружающий мир более существенный, чем длительное пребывание в такой ситуации. Новая ситуация означает новый опыт. Этот опыт, с одной стороны, коллективный, а с другой – в сложном обществе перемены производят множество особых случаев, взглядов и позиций. Старые истины сталкиваются с новыми фактами жизни. Новая ситуация требует осмысления, в том числе в виде художественной или философской интерпретации. При этом факт положительного изменения коллективной ситуации располагает к онтологическому оптимизму и большей открытости к новаторству. Только что было отмечено, что государство афинян являлось одним из лидеров в мире V в. Следует прибавить, что для Афин, в отличие от Спарты и Персидской державы, это положение было новым.

Сказанное имеет значение и для политического коллектива (государства), и для более крупных, чем отдельное государство, историко-культурных общностей, и для отдельных социальных групп. Говоря о ситуации творца, следует учитывать, что он одновременно принадлежит к целому ряду общностей. Фукидид и Платон говорили по-гречески, были афинскими гражданами и выходцами из аристократической семьи. Таким образом, они одновременно принадлежали к миру греков, взятому как целое, к афинскому государству, а также к миру греческой, в частности, аттической аристократии. Фидий, Софокл, Сократ, Аристофан разделяют с ними первые две характеристики, но не третью. Соответственно, следует оценить ситуацию как в греческом мире V века в целом, так и в афинском государстве, в частности, а также значение в Греции и Афинах аристократических и неаристократических кругов.

Обратившись к такого рода рассмотрению, мы обнаружим, что в V в. до н.э. греки, отразив персидское нашествие, существенным образом упрочили свои мировые позиции. В ходе этой борьбы Афины стали самым богатым государством греческого мира, а по влиянию в нем сравнялись со Спартой. Афиняне создали морскую державу, с которой приходилось считаться и всем грекам, и персидскому царю. При этом афинские аристократы, лишённые формальных политических привилегий, продолжали занимать руководящие должности в афинском государстве, возвысившись, таким образом, до положения вождей доселе невиданной в греческом мире державы, тогда как афинский средний класс стал играть определяющую роль в решениях народного собрания, от которых зависела судьба и самого государства, и множества его союзников. Таким образом, и для афинской аристократии, и для афинского среднего класса мы можем констатировать выход в ситуацию активного влияния на актуальный для них мир.

Свободный образ жизни отличал Афины от Спарты, преодоление же персидской угрозы общими усилиями и дальнейшее поддержание общими же усилиями

достигнутого государством влияния обеспечило исключительно высокий уровень солидарности среди афинских граждан. Об этом свидетельствуют и регулярные перевыборы Перикла, и тот факт, что для периода в 50 лет, между 461 г. (когда был убит Эфиальт) и олигархическим переворотом 411 г., в Афинах не засвидетельствовано ни одной вспышки политического насилия. При этом показательно, что переворот произошел лишь после Сицилийской катастрофы, в атмосфере ожидаемого вскоре поражения Афин в войне: пока демократия возвышала афинских аристократов над их собратьями по классу в общегреческой ситуации и давала им выгодные (в смысле честолюбия или же возможностей обогащения) военнополитические поручения, они готовы были ее терпеть. Хотя политическая история Афин от изгнания персов до начала Пелопоннесской войны не была сплошным триумфальным маршем, ее темп был достаточным для формирования онтологического (если бы не отвлекающие ассоциации, я бы сказал – исторического) оптимизма, засвидетельствованного не только речью Перикла, но и его строительной программой. В течение считанных поколений Афины пережили не только коренное изменение своего внешнеполитического положения, но и существенную трансформацию общественной жизни¹¹; и перемены, и новая ситуация требовали осмысления.

Поскольку победа в Греко-персидских войнах была достигнута широкой коалицией полисов, политический подъем Афин в известной мере совпал с политическим подъемом греческого народа в целом. Опыт положительного изменения не ограничивался Атикой. Точно так же относительно общим был экономический подъем; широко распространенным явлением (и не свойственным только Афинам) было улучшение позиций среднего класса и демоса в целом. Соответственно, по целому ряду существенных параметров общегреческая ситуация благоприятствовала культурному расцвету в Афинах. Мировосприятие афинян было в значительной мере созвучно мировосприятию многих других греков. Поэтому одаренные люди с разных концов греческого мира успешно вписывались в культурную жизнь Афин, а культурные достижения урожденных или «новых» афинян получали широкое признание за пределами Аттики. Так, Полигнот с Фасоса и Паррасий из Эфеса стали афинскими гражданами, а ионийская философия и наука благодаря Анаксагору из Клазомен и Гиппократу с Хиоса нашли в Афинах свой новый дом. С другой стороны, произведения аттических трагиков очень быстро приобрели статус общегреческой классики.

Посмотрим, как указанные условия культурного расцвета в Афинах отражены в его конкретных важнейших проявлениях.

Жанр трагедии существенным образом связан с героическим мировосприятием. Афиняне изгнали тиранов, защитили свободу и народовластие от нападения спартанцев и их союзников, выстояли в борьбе с необъятной державой Ахеменидов, встали во главе обширного союза греческих государств и год за годом должны были подтверждать приобретенное их полисом положение одного из лидеров в окружающем их мире. Десятилетие за десятилетием афиняне проводили в борьбе с непредсказуемым результатом и до 413 г. выходили из нее все более сильными. Трагедия – достояние сильного общества¹². Она возникает на почве борьбы, а не

¹¹ Raaflaub 1998, 15–42.

¹² Каким было английское общество времен Шекспира, испанское – времен Кальдерона, французское – времен Корнеля и Расина, да и немецкое (хотя это менее очевидно) времен Шиллера. Расцвет трагедии повсюду был недолгим.

травматического опыта и восприятия мира как принципиально враждебного. Трагедии не будет там, где жалкие условия существования представляются естественными. Трагедии пишутся не о страдании как таковом, но о крушении или утрате – что подразумевает высокий уровень жизненных ожиданий. Опять же, проблема этического выбора, частая и важная в аттической трагедии, едва ли будет поднята среди людей, подчиняющихся чужим приказам. Людям, которые не вольны устраиваться так, как сочтут нужным, которые на своем опыте слишком хорошо знают право сильного, эсхилловский Прометей покажется заносчивым глупцом, а Софоклова Антигона – вздорной женщиной.

Театр – место, где огромное число людей проникается общими эмоциями. Эмоции (в отличие от непосредственных чувственных реакций) обусловлены представлениями, – в частности, представлениями о добре и зле, о справедливом и несправедливом. Там, где зрители утратили согласие относительно такого рода вещей, трагедия становится практически невозможной. Когда вследствие Сицилийской катастрофы и последовавшими за ней событиями 411 г. общественная солидарность рухнула, трагедии осталось доживать считанные годы. На примере «Ореста», поставленного в 408 г., мы видим деградацию жанра¹³. Разумеется, Еврипид сочинил пару превосходных трагедий и позже, но это произошло за пределами Афин, в эмиграции.

Совершенно очевидно, что аттическая политическая комедия была бы невозможной без демократической свободы слова и демократического равенства граждан. Но она была бы невозможной и без уверенности афинского гражданского коллектива в собственных силах (уверенности, проистекавшей из положения Афин как сверхдержавы) и высокой степени гражданской солидарности. В противном случае тот род политической критики, который мы находим у Аристофана и его современников, воспринимался бы как серия инвектив, направленных на отдельные личности, и как угроза общественному согласию¹⁴. На значение для жанра отмеченных факторов указывает, например, тот факт, что начиная с заключительного периода Пелопоннесской войны комедии Аристофана, оставаясь блестящими, более не являлись политическими.

Почему именно в Афинах появился Сократ? Потому что в обществе со свободным образом жизни и могущественном государстве, стоявшем во главе множества союзников, были открыты неведомые доселе пути для удовлетворения честолюбия, приобретения богатства и влияния.

Философия Сократа существенным образом связана с открытием относительно человеческих представлений и установлений. Наука и философия досократиков продемонстрировала мощь логической аргументации на фоне недостаточной достоверности того, что мы видим своими глазами: так, солнце и луна кажутся нам величиной в стопу или локоть, а на самом деле они являются громадными телами. Опыт социально-политических изменений в греческом мире и накопление сведений относительно разнообразия важнейших общественных установлений у чужеземных народов подводили к мысли об относительности социальных норм. Смелые умы соединили такого рода знание с оптимизмом в отношении возможностей логической аргументации: они доказывали, что эгоистическое поведение свойственно человеку «по природе», тогда как привычка считаться с другими

¹³ Burkert 2007.

¹⁴ Ср. Aspser 2005.

людьми восходит к «установлению» и поддерживается недостатком силы и решимости. Критики традиционных норм взывали к самоочевидности эгоцентризма. Однако искусство полемики и аргументации было применено против них самих человеком, ощущавшим, что пренебрежение другими людьми и устоявшимися правилами вовсе не делает его счастливым. Поскольку предполагаемые истинные, как и ложные, цели человеческих усилий выражены в общих понятиях (таких, как «благо», «польза», «счастье»), Сократ обратился к исследованию общих понятий, чтобы поколебать их мнимую самоочевидность. Раз за разом ему удавалось показать, что с логической точки зрения далеко идущие выводы были поспешными. Закономерно, что человек, ставивший под сомнение то, что «знают все», должен был (чтобы не выглядеть невыносимо заносчивым) прикидываться простоватым (сократовская ирония) и заявлять о своем незнании.

Вместе с тем здравый смысл и полемический опыт должны были привести Сократа к заключению, что в нравственной области нет непреложных доказательств, в ней существует, скорее, убеждающее поведение. Соответственно, ответ Сократа на нигилистический релятивизм (который, разумеется, не следует слишком прямолинейно идентифицировать с софистическим движением) оказывается двойным – логическим (нигилистические выводы, претендующие на то, что они выстроены на самоочевидных вещах, не являются достоверным знанием) и поведенческим (своим образом жизни Сократ доказывает, что человек может быть счастлив, не обладая богатством, властью и не совершая какую бы то ни было несправедливость). Но все-таки – почему в Афинах? Потому что амбиции граждан имперского города и реальные предпосылки для их воплощения были совсем иными, нежели в городах зависимых или же малозначительных.

Появление в Афинах лучшего из историков также не выглядит сугубой случайностью. Труд Фукидида отмечен выдающимся умом, редкой объективностью и способностью собрать и обработать огромный материал. Понятно, что знатность и богатство Фукидида делали его независимым и были в помощь для сбора сведений и неторопливой работы над ними. Ясно, что его опыт государственного деятеля и военачальника обеспечил его компетентность как историка. Очевидно также, что статус афинского стратега, изгнанного из отечества, мог способствовать тому, чтобы относительно беспристрастно взирать на обе воюющие стороны. Но далее мы вправе и должны соединить биографические обстоятельства с историческими. Способность нашего историка очень рано осознать масштабность происходящих событий и проявить соответствующие усилия для сохранения сведений о них связана с его принадлежностью к государству, стоявшему в самом центре событий. Его объективность, способность (разумеется, не абсолютная) встать выше партийных пристрастий сформировалась в атмосфере Перикловых Афин, когда люди его круга готовы были мириться с демократией, потому что общий успех Афин делал их, лучших из афинян, первыми среди греков. Его ум был натренирован общением со столичными интеллектуалами, а также политиками, которым приходилось решать сложнейшие политические задачи (понадобились разъяснения такого историка нового времени, как Эдуард Мейер, чтобы стал понятен, например, смысл позиции Перикла в отношении Мегар).

Глубокое проникновение Фукидида в социальную психологию также связано с многообразием практических проблем, стоявших перед афинской политикой. А за характерным для него сочетанием скрупулезного отношения к истине и литературного блеска можно разглядеть влияние определенной среды. Перед Фуки-

дидом был Геродот, который показал, что история должна быть искусным повествованием, а не простой регистрацией событий. Взыскательная культурная среда, сложившаяся в Афинах, не захотела бы принять возвращение к примитивному стилю. Но эта же среда лучше, чем Геродот, разбиралась в том, как принимаются политические решения и ведутся боевые действия, и было бы нелепым, обращаясь к ней, объяснять памятные всем события вспышками страстей могущественных лиц или завистью богов. Сходным образом за трудолюбием Фукидида можно разглядеть свойственный его современникам онтологический оптимизм, столь явно отраженный в характеристике им своего труда как «достояния на все времена» (Thuc. I. 22. 4).

Трагедия и политическая комедия не только развились, но и возникли в Афинах. Афинянин Сократ явился основателем совершенно нового направления в греческой философии, но сама философия была принесена сюда из Ионии. Труд Фукидида венчает определенную культурную традицию (историописание), сложившуюся за пределами Аттики. Еще менее специфически аттическим было изобразительное искусство, принесшее славу Афинам V в. Однако и здесь различимо действие отмеченных нами особых исторических обстоятельств и социальных условий. Так, характерная для культурного климата Афин открытость к инновациям, отражающая уверенность афинян в собственных силах и их онтологический оптимизм, получили выражение в разработке именно в Афинах новаторской изобразительной техники – опыты с перспективой Агафарха, *skiagraphia* Аполлодора. На скульптурных украшениях Парфенона афинское гражданство представлено всадниками, тогда как реальную силу Афин образовывали гоплиты и корабли. Вместо возвышения части гражданского коллектива, хотя бы и его большинства, мы видим отвлеченно героическое, условное изображение гражданского коллектива в целом – еще один знак высокой степени гражданской солидарности. Сотрудничество аристократии и среднего класса вело к искусству универсальной значимости; и то же самое можно сказать о творчестве Софокла или философской позиции Сократа. Архитектура афинского акрополя передает идею славы и величия Афин, но не идею триумфа и доминирования. Это искусство здравомыслящих и уверенных в себе людей; они все равны перед законом, а по отношению к приезжающим в город союзникам их государство выступает в качестве вождя, а не господина.

Если в эстетике акрополя отразилось скорее теоретическое представление о соотношении между Афинами и союзными полисами, то в других областях больше проявилось практическое положение дел. Демократия зиждилась на принципе равенства, *исономии*. Но не было равенства между Афинами и их союзниками. По-видимому, в связи с этим политический строй, которым гордились афиняне, постепенно сменил свое название и вместо «равнозакония» стал называться «народовластием»: так сглаживалось противоречие, возникавшее между принципом, по которому афиняне строили свою собственную жизнь, и их реальной позицией по отношению к другим государствам. Проблема, разумеется, оставалась. Причем в ней можно увидеть частный случай общей проблемы выбора между выгодным и справедливым, которая была столь важна для Софокла и Сократа. Идея бескорыстной, благородной политики была известна афинянам, как это ясно на примере помощи, оказанной ими ионийскому восстанию, но последовательно ее держаться они, разумеется, не были готовы. Фукидидов Перикл однажды обращается к афинянам с поразительным заявлением: ваша власть над союзниками – тирания; возможно, ее не следовало приобретать, но уж точно опасно теперь от нее отказаться

(Thuc. II. 63. 2). Эти слова дают нам возможность хотя бы отдаленно представить, сколь разнообразные и сложные, пробуждающие ум и нравственное чувство коллизии и вопросы порождало восхождение демократических Афин на позиции сверхдержавы.

Возвращаясь к спору о том, что было важнее для культурного расцвета в Афинах – демократический строй или наличие афинской державы, следует прежде всего уверенно сказать, что оба фактора были необходимы и сущность обоих нуждается в уточнении. Важна не столько демократия вообще, сколько сочетание свободного образа жизни с вовлеченностью значительного числа граждан в принятие общезначимых решений, без чего не было бы ни аттической трагедии, ни комедии, ни Сократа. Относительно могущества афинян следует подчеркнуть, что оно было недавно приобретенным (перемены требовали осмысления и тем самым оказывали стимулирующее воздействие на литературу, философию, историографию, тогда как изменение к лучшему способствовало онтологическому оптимизму и консолидации гражданского коллектива) и притом не являлось ни эфемерным, ни гарантированным навеки. Хотя внешне политический успех афинского государства был бы невозможен без демократии, без добровольной мобилизации масс, значение самого этого успеха никоим образом не следует недооценивать. Это ясно на примере аттической драмы. В IV в. – при демократии, но без могущественной державы – интерес к произведениям классиков предыдущего столетия не падал, а рос; не было недостатка и в новых произведениях, но мы не слышим о появлении новых шедевров¹⁵. С прозой, бесспорно, дело обстояло лучше. Однако достойно внимания, что Платон, Ксенофонт, Исократ сформировались как личности еще до окончания Пелопоннесской войны¹⁶.

Ясно, пожалуй, и то, что платоновский мир идей, более «реальный», чем настоящий, его разочарование во всех существующих формах правления отражают опыт скорее негативных, нежели позитивных перемен (во всяком случае, с точки зрения Платона). Но разочарования Платона следует оценивать в соответствии с теми ожиданиями, которые они подразумевают. Платон ищет идеальный мир, совершенное государство или, по крайней мере, правителя, способного устроить государственную жизнь наилучшим образом: это же радикализм конца V в.! Это подобно тому, как Алкивиад то путем создания антиспартанской коалиции в Пелопоннесе, то посредством сицилийской экспедиции пытался раз и навсегда сломить Спарту, или тому, как Критий пытался превратить сами Афины в некое подобие Спарты¹⁷. Можно согласиться, что искусство красноречия достигло апогея в IV столетии (хотя, возможно, является показательным, что самая знаменитая из речей Демосфена посвящена внешней политике и апеллирует к великим деяниям предыдущего века), что среди скульпторов появились такие мастера, как Пракситель, и что в целом уровень творческой продуктивности оставался весьма высоким, но так было потому, что великие творения вызывают восхищение и вслед за ним стремление к подражанию и соревнованию, к той же славе, которую снискали выдающиеся творцы, а также потому, что греческий мир, взятый как целое, в зна-

¹⁵ Seidensticker 1995.

¹⁶ Simonton (1984, 157) на основе своих историометрических исследований предлагает следующее обобщение: «The most notable thinkers are products of the previous generation's zeitgeist, the zeitgeist of their youth» – «Самые значимые мыслители – продукт Zeitgeist'a предыдущего поколения, Zeitgeist'a их молодости».

¹⁷ Панченко 1990, 140 сл.

чительной мере удерживал позиции, завоеванные столетием раньше, да и Афины оставались в нем богатым и влиятельным государством.

Но, в конце концов, культурный расцвет определяется не столько отдельными факторами или их простой суммой, сколько определенной ситуацией. Ни демократия, ни внешнеполитическое могущество сами по себе к культурному расцвету не приводят, и даже их сочетание не обязательно порождает его. Но когда творчески продуктивное общество (а Афины последней трети VI в. с их вазописью, скульптурой, рождающейся трагедией, несомненно, были таковыми) выходит на лидирующие позиции в значимом для него мире, наступление культурного расцвета, по-видимому, неизбежно.

Литература

- Зайцев А.И.* 2001: Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2-е изд. СПб.
- Панченко Д.В.* 1990: Платон и Атлантида. Л.
- Asper M.* 2005: Group Laughter and Comic Affirmation. Aristophanes' *Birds* and the Political Function of Old Comedy // *Hyperboreus*. 11. 1, 5–29.
- Boedeker D., Raaflaub K.A.* 1998: Reflections and Conclusions: Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens // *Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens* / D. Boedeker, K.A. Raaflaub (eds.). *Cambr. (Mass.)–L.*, 319–344.
- Burke P.* 1972: *Culture and Society in Renaissance Italy, 1420–1540*. L.
- Burkert W.* 2007: Die Absurdität der Gewalt und Ende der Tragödie: Euripides Orestes // *Burkert W. Kleine Schriften*. VII, 97–110 (= *Antike und Abendland*. 1974. 20, 97–109).
- Graeve H.* 1977: *Gesellschaft und Kreativität: Entstehung, Aufbau und Gestalt von Kulturblüten*. München–Wien.
- Gray C.E.* 1958: An Analysis of Graeco-Roman Development // AA. 60, 13–21.
- Gray C.E.* 1961: An Epicyclical Model for Western Civilization // AA. 63, 1014–1037.
- Gray C.E.* 1966: A Measurement of Creativity in Western Civilization // AA. 68, 1384–1417.
- Kroeber A.L.* 1944: *Configurations of Culture Growth*. Los Angeles (рус. пер.: *Крѣбер А.Л. Избранное. Природа культуры*. М., 2004).
- Meier C.* 1996: Kultur als Absicherung der Attischen Demokratie // *Colloque international. Démocratie athénienne et culture* / M. Sakellariou (ed.). Athenai, 199–222.
- Raaflaub K.A.* 1998: The Transformation of Athens in the Fifth Century // *Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens* / D. Boedeker, K.A. Raaflaub (eds.). *Cambr. (Mass.)–L.*, 15–42.
- Seidensticker B.* 1995: *Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks* // *Eder W. (Hrsg.). Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 175–198.
- Simonton D.K.* 1984: *Genius, Creativity, and Leadership*. *Cambr. (Mass.)–L.*
- Webster T.B.L.* 1973: *Athenian Culture and Society*. L.

CULTURAL FLOURISHING IN 5th CENTURY BC ATHENS IN THE LIGHT OF COMPARATIVE STUDIES

D.V. Panchenko

The cultural flourishing of Athens in the 5th century BC must be considered as an example of a more general phenomenon. Cultural acme begins when the creatively productive group of the society comes to the leading positions in the world which the group considers as significant. The outstanding achievements of 5th century BC Athens show close connection with historical and social circumstances characteristic of such periods.